

Евгений Сухов

**ЛЕСНАЯ
БАНДА**

Москва

РОМАНЫ О НЕИЗВЕСТНЫХ БОЯХ

СОЛДАТЫ СМЕРШ

Евгений Сухов

**ЛЕСНАЯ
БАНДА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Лесная банда / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 384 с. — (Солдаты СМЕРШ.
Романы о неизвестных боях).

ISBN 978-5-04-221603-9

1944 год. В освобожденной от немцев Станиславской области Украины националисты устроили настоящий террор против офицеров и солдат Красной армии. Особо отличился в этом отряд «Черный лес» под командованием краевого старшины по кличке Филин. Возглавить операцию по уничтожению бандеровцев Ставка поручает полковнику СМЕРШ Алексею Михайлову. Оперативники понимают, что матерых головорезов с наскока не возьмешь, нужна военная хитрость. Вскоре им удастся нащупать слабое место в структуре банды и выйти на ее главаря...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221603-9

Глава 1

3 АВГУСТА 1944 г. СВЯЗНИК

Поднявшись по узкому переулку, стиснутому с двух сторон невысокими средневековыми зданиями, Свирид Головня вышел к городской Рыночной площади. Последний раз в Станислав¹ он навещался за неделю до его штурма советской армией. В те дни город напоминал потревоженное птичье гнездо, опутанное плотной металлической паутиной.

Немцы подошли к обороне города со всей серьезностью. С восточной стороны ими была организована крепкая эшелонированная оборона. Перед первой линией траншей — шириной в двести метров — тянулись тщательно замаскированные минные поля. На рогатках была закреплена колючая проволока Бруно, а между ее рядами многочисленные полевые укрепления — рогатки и засеки, — которые, по замыслу их создателя, должны были замедлить наступательный порыв русских.

В направлениях, где ожидался прорыв тяжелой техники русских, для усиления фортификации установили танковые засады. Повсюду — во

¹ С 1939 по 1962 г. Станислав. С 1962 г. Ивано-Франковск.

флангах, перед второй линией окопов, — взгромоздившись на господствующие высоты, немцы оборудовали долговременные огневые точки, многократно укрепленные бетонными плитами, способными выдержать авиационный удар.

В городе ужесточился пропускной режим. Прибыло огромное количество пехоты, артиллерийских и минометных подразделений. Увеличилась численность военной жандармерии, в чьи функции входило поддержание воинского порядка и должной дисциплины.

Станислав обороняли две пехотные дивизии: немецкая и венгерская, усиленные подразделениями второй венгерской танковой дивизии. А еще на стороне немцев было время — вполне достаточно, чтобы подготовиться к серьезному натиску. Полковой артиллерией и крупнокалиберными пулеметами простреливался каждый метр: как в глубину возможной атаки, так и по всему фронту.

На штурм столь укрепленного города, переполненного тяжелой техникой и вооруженными людьми, могли отважиться только конченные безумцы. Но всем было понятно, что сражения не избежать — русские пойдут дальше.

В городе взорвали все ориентиры, которые могли бы использовать советские наводчики для артиллерийской стрельбы. Осталась лишь городская ратуша, строптиво торчавшая в самом центре города. Подорвать ее всецело не представлялось возможным. Стены состояли из каменных блоков — толстые и весьма крепкие, — за много столетий они срослись между собой и превратились

в сплошной монолит, подрыв которых обязательно приведет к разрушению соседних зданий, где располагались штабы дивизий и госпиталя. Потому немцы ограничились взрывом только северо-западного крыла ратуши.

В самом городе также шли серьезные приготовления: на дорогах поставили противотанковые ежи, возвели баррикады из бетонных плит, разного металлического лома и разбитой техники — на тот случай, если вдруг советским частям удастся пробить брешь в обороне и просочиться в город.

Не помогло.

Три стрелковых корпуса русских при поддержке воздушной армии в течение суток взломали эшелонированную немецкую оборону. Затем расширили образовавшуюся брешь и неукротимым потоком влились в улицы города, сметая на своем пути всякое сопротивление.

Поговаривали, что русские венгров в плен не брали. К мадярам у них имелся какой-то персональный счет. Возможно, именно поэтому венгерские дивизии оказывали особо яростное сопротивление. Как бы там ни было, но в последующие дни Головня действительно не встретил ни одного пленного венгра, зато немцев было много.

Ворвавшись танковым кулаком в город, русские даже не подумали сделать передышку и за две текущие недели сумели углубиться на двести километров, а по фронту разошлись в четыреста.

Остановить танковую армаду немецкому командованию будет непросто. За последние два года русские армии превратились в красную напасть,

сметающую на своем пути любую эшелонированную оборону — с ДОТами, минными полями, десятками рядов колючей проволоки, широкими и глубокими рвами, высокими валами...

Но это совершенно не означает, что следует отказаться от борьбы. Имеются иные формы сопротивления, в том числе партизанские, которые вынудят их покинуть Западную Украину.

Город был изрядно покалечен. Ожесточенные бои проходили буквально на каждом пяточке, о чем можно было судить по многочисленным разбитым и полуразрушенным зданиям. От некоторых и вовсе остались только груды кирпичей. Пустыми глубокими глазницами смотрелись на стенах сквозные отверстия от снарядов.

Свирид Головня с трудом узнавал некогда любимые места.

Почерневший, захламленный, обветшавший Станислав выглядел чужим. Возникшее ощущение усиливала громкая русская речь, звучащая повсюду. Передовые части советской армии, закрепляя достигнутый успех, последовали дальше, а в городе оставались тыловые и инженерные, кому положено по долгу службы восстанавливать экономическую инфраструктуру и отстраивать разрушенные здания.

Свирид Головня подошел к церкви Пресвятой Девы Марии, отметил на стенах следы от пуль крупнокалиберного пулемета. При немцах подле храма стояли две легковые пушки с расчетом из венгерских артиллеристов. А вот за ними располагалась немецкая зенитная самоходная установка

на пятитонном шасси. Теперь здесь разместилась полевая кухня с тремя котлами, под которыми жарко полыхали березовые дрова.

В первом изрядно почерневшем котле варилась густой гороховый суп; во втором — гречневая каша, а вот в третьем — бурно вскипала вода. Видимо, для чая. По всей площади распространялся аромат вареного мяса. Два повара в коротких белых холщовых халатах задорно переговаривались с красноармейцами, стоявшими подле, и, не давая каше пригореть, помешивали ее длинными черпаками. На площади, в ожидании скорого обеда, собрались несколько десятков человек. Разбившись на группы, они громко разговаривали, отовсюду раздавался веселый смех, будто и войны не существует, а есть обычные учения, на которых никого не убивают.

Смыв в бане пороховую гарь и грязь, солдаты выглядели добродушно. В их простоватой молодости не было ничего враждебного. Здесь же, на площади, в надежде получить похлебку, в тесные кучки теснились гражданские. Среди них было немало девушек, умевших быстро приспособиться ко всему новому. Веселыми беззаботными пташками они о чем-то разговаривали с молодыми красноармейцами.

— Дурехи, — хмыкнул Головня. — Своих им не хватает. Москали понадобились.

Свирид понимал, что это последние деньки, когда пришедшей советской власти до них нет никакого дела, а далее русские начнут устанавливать свои большевистские порядки. Точно такие

же, какие здесь были в тридцать девятом. А может, даже и похуже...

Головня прошел дальше по узкому переулку и неспешным шагом вышел к греко-католическому собору, где у него была назначена встреча. Стараясь выглядеть неприметно, он шагал вдоль стены, надеясь раствориться на ее сером фоне.

При немцах на перекрестке стояли два трофейных легких советских танка «Т-26», перекрашенных в немецкую маскировку. Немцы всегда с большой серьезностью относились к трофеям, и на переплавку шло только то, что было неприменимо в дальнейших боевых действиях. Таким добром, как танки, они никогда не разбрасывались и передавали их союзникам.

У каждого такого танка на башне было с пяток заплаток, не считая тех отметин, что оставляли снаряды, прошедшие вскользь или срикошетившие. И вот сейчас бронемшины стояли поломанные, со свернутыми на сторону башнями, как если бы им дали хорошего пинка, так и не успев направить стволы против наступающей советской армады.

Негромко разговаривая, мимо, едва не коснувшись его плечом, проследовали трое военных. Молодые, высоченные, с расправленными плечами и прямыми спинами. Такие бывают только у строевых офицеров, дисциплинированно прошагавших по плацу не одну тысячу километров. Головы, посаженные на крепкие мускулистые шеи, поворачивались неторопливо и очень значимо, как башни тяжелых танков. Офицеры, встречавшиеся на их пути, задорно козыряли. Им в ответ — лишь

небрежное движение ладонью, какое может позволить себе только человек, наделенный немалой властью.

Военнослужащих контрразведки можно узнать по движению бровей, по выражению глаз, потому как они смотрят в лица встречных с откровенным интересом, словно проверяют на благонадежность. Шедший справа капитан — тонколицый блондин с щеточкой узких русых усиков на капризно изогнутой губе — внимательно осмотрел вжавшегося в стену Свирида. Его пронзительный и острый взгляд добрался до самого мозжечка, болезненно уколол. Губы Головни плотно сжались, пытаюсь удержать вырывавшийся из грудной клетки крик ужаса. В какой-то момент его просто парализовал страх. Он умер стоя, как это бывает с деревом, пораженным молнией. Но офицер вдруг ободряюще улыбнулся и с самоуверенностью, столь свойственной молодости, браво заколотил подковками по серому гранитному булыжнику.

Свирид Головня отлип от стены только тогда, когда офицеры завернули за угол. И громко, уже не опасаясь тех, кто проходил мимо, он выдохнул наружу удушливый страх, сидевший под ребрами, как упругий змеиный комок. Отчего-то заболели спина и плечи, словно он целую неделю таскал на себе невысказанно тяжелый груз.

В том месте, куда он вжался, наверняка осталась впадина от его тела. Головня обернулся, чтобы проверить фантастическое предположение. И правда, чепуха. Стена стояла незыблемо, как и сто, двести и более лет назад — с момента застройки города.

Бродить по улицам отпало всякое желание: еще пара таких встреч — и на хутор придется возвращаться скрюченным в три погибели. Достав из кармана часы с цепочкой, он глянул на циферблат. Связник краевого старшины опаздывал на десять минут. Для нынешнего времени — большой непорядок. Еще нет причины, чтобы стучать в колокола, но повод для легкой тревоги все-таки присутствовал. Время было дорого. Предстояло топать обратно, а дороги были перекрыты блокпостами и разного рода контрольно-пропускными пунктами, на каждом из которых довольно тщательно проверялись документы. С полчаса еще можно подождать, а потом, чтобы не привлекать к себе чрезмерного внимания, необходимо шагать в обратную сторону — на человека в крестьянской одежде и в новых офицерских сапогах вскоре обратят внимание. Чего же будить лихо?

Послышался нарастающий металлический грохот траков, и через несколько секунд из-за поворота показался тягач на гусеничном ходу, тянувший длинноствольную гаубицу, ствол которой заботливо, будто бы головка у дитяти, был перемотан пестрой длинной тряпицей. А за ним — громыхая, заставляя вибрировать окружающее пространство, угрожающе лязгая широкими гусеницами, в крошку разбивая гранитный камень — протарахтели самоходки и тяжелые танки. На некотором отдалении от тяжелой техники неровным строем, но достаточно бодро прошагал батальон пехотинцев.

— Заждался, Свирид? — услышал Головня знакомый голос, прозвучавший в спину.

Повернувшись, он увидел связника — Панаса Кияница.

— А я уже думал, что ты не подойдешь.

— Куда же я денусь, — усмехнулся связник. — Вон как москали вышагивают, — кивнул он в сторону удалявшихся солдат. — Хозяевами себя считают.

И уже с неприкрытым ожесточением продолжил:

— Что же это такое происходит, а? У немцев дисциплина, порядок, вооружение, а им так наподдали, что они теперь к себе в Германию бегом улепетывают.

— Может, еще и остановятся, — произнес Свирид Головня, и тотчас осознал, что голос прозвучал без должной уверенности.

В ответ Панас лишь только хмыкнул.

— Ты видал, как в городе Красную Армию встречали?

— Не довелось, — хмуро обронил Головня. — На хуторе был.

— А я вот видел, — назидательно протянул Панас Кияница. — Когда немцев из города выбили, танки вошли. Горожане все улицы заполонили! Солдатам навстречу городские выбегают, руки им жмут, цветы на броню бросают...

— А потом что было? — поторопил Головня угрюмо замолчавшего Панаса.

— Митинг устроили, — голос у связного был тихий, совершенно бесцветный. Но заряд злобы находился где-то внутри и мог жахнуть в любой момент.

Настроение было приторно терпкое, вяжущее до самой оскомины. Сводило скулы так, что хоть вой! Потребовалась затяжная минута, чтобы Свирид всецело совладал с собой и отвечал беспристрастным прежним голосом. Он угрюмо подумал, что не следует поддаваться эмоциям даже тогда, когда от досады и ожесточения на загровке трещат волосы.

— И что было на этом митинге?

— Слушать было тошно... Дескать, Польского генерал-губернаторства уже больше нет. Советская власть вернулась навсегда. Колхозы теперь будут создавать. Сталина все нахваливали... Из всех щелей сочувствующие повылазили... Думают, что при немцах им плохо жилось... Ничего, Сталин им покажет как нужно советскую власть! Они сами придут к нам в повстанческую армию, даже призывать не нужно будет.

— Поживем еще. Чего раньше времени себя хоронить... Что краевой старшина приказал?

— Сейчас москали будут украинцев в свою армию забирать. Вы должны сорвать этот призыв в своем районе. В ближайшие часы будут разосланы инструкции, как уклониться от рекрутирования. Пусть хлопцы занижают себе возраст так, чтобы не попасть под призыв. Пусть прячутся в погребках, уходят в леса. Это первое. Второе... Если не сегодня, так завтра русские начнут устанавливать свою власть, и мы должны пытаться занять руководящие места в администрации, в том числе и в военкоматах. Вот эти люди и будут готовить фальшивые справки на призывников: одни, дескать,

уже померли; других — немцы в оккупации убили; третьих давно на фронт призвали. А сами проведем всеобщую мобилизацию в свою повстанческую армию. Так что основная борьба с ними впереди. Что в куренях говорят?

— Хлопцы спрашивают, когда можно выйти из схронов и с москалями сразиться! В бой рвутся хлопчики!

— Передай нашим братьям, что войны на всех хватит, скоро начнем. Схронов-то много нарыли?

— Много, на целый курень!

— Этого мало. Копайте еще на три тысячи самостийников.

— А сколько всего будет?

— Думаю, что не меньше сорока тысяч.

— Немало... Мы так и будем под землей прятаться?

— Успокойся ты, — примирительно произнес Панас. — Сначала осмотреться нужно, что к чему. Мы тем и сильны, что невидимы. Пусть передовые части подальше от города уйдут. А потом ударим им в тыл и растворимся в горах. Они не знают леса так хорошо, как мы. В этом наша сила... А как у вас с едой?

— На первое время кое-что имеется, — не очень убедительно отозвался Головня, — но скоро понадобится... Крестьяне не хотят запросто так продукты отдавать. Едва ли не в ноги приходится кланяться, чтобы краюхой хлеба разжиться.

Сняв с плеча холщовую черную котомку, Панас Кияница вытащил из нее небольшую коробку, завернутую в темную просоленную бумагу.

— Их понять можно, своим горбом зарабатывают... Возьми.

— Что это? — недоуменно протянул Головня, забирая сверток.

— Здесь карбованцы, — значительно пояснил соратник. — Не раскрывай, потом посмотришь... Будешь расплачиваться ими за продукты.

— Деньги, что ли? — удивился Головня.

— Да. Наши деньги, украинские. Скоро по всей Украине ими расплачиваться станем.

— Откуда они?

— Из боевого фонда повстанческой армии. Будете рассчитываться ими за продукты, за постой. Объясните селянам, пусть берегут их! Как только мы придем к власти, так обменяем карбованцы на настоящие. — Сунув два пальца в верхний карман пиджака, он вытащил из него вчетверо сложенный, аккуратно отрезанный клочок бумаги, изрядно поистертый по самым краям. — Вот глянь, как они выглядят.

Головня аккуратно развернул карбованец.

Купюра, напечатанная на тонкой бумаге, мало походила на серьезный денежный эквивалент. На ней отсутствовали все системы защиты: не было ни водяных знаков, ни номеров, не имелось даже печати, что могло бы усложнить типографский процесс и внушить крестьянину большее доверие. При желании таких «денег» можно напечатать во множестве, для чего достаточно иметь только типографский станок и подходящую краску.

Купюра приравнивалась к десяти карбованцам. С одной стороны банкноты был отпечатан трезу-

бец, раскрашенный в желтый и голубой цвета, а на другой нарисован повстанец с автоматом в руках, одетый в расшитую национальную одежду. С левой стороны денежного знака было написано «Слава Украине», на правой — «Героям Слава».

Головня невольно хмыкнул, подумав о том, что хитроватого крестьянина вряд ли может убедить сомнительная бумага, пусть даже напечатанная типографским способом. Если что и может его заставить расстаться с куском хлеба, так это только запах пороховой гари, исходящий из ствола пистолета, сунутого под самый нос.

— Вижу, не нравятся тебе наши деньги, — угрюмо констатировал Панас, как если бы выносил приговор. — Только сегодня у нас других нет. Пусть привыкают к этим.

Из обычного сотника, каковым Панас Кияница был всего-то три месяца назад, он сделался доверенным лицом краевого старшины, от которого зависели судьбы тысяч повстанцев. Наблюдательный и подозрительный Панас в разговоре с собеседниками не упускал даже малого. Наверняка поведает старшине и о состоявшейся встрече. Поделится собственными ощущениями. Руководство УПА¹ в подчиненных устраивает только слепая вера в самостийную Украину. Сомнений они не признают. Приходилось всякий раз доказывать, что его

¹ УПА — подпольная украинская военная организация времен Второй мировой войны, входила в состав Организации украинских националистов. Действовала на территории Украины.

сознание не претерпело никаких изменений, что он все тот же Свирид Головня, каким когда-то был во время службы в батальоне «Нахтигаль».

В какой-то момент Головня почувствовал, что лицевые мышцы крепко свело, и потребовалось некоторое волевое усилие, чтобы проверить их эластичность в доброжелательной улыбке.

— Лично мне эти деньги нравятся. И слова на купюрах написаны правильные. Только главное, чтобы они понравились хуторянам, у которых мы будем животину с хлебом забирать.

С лица Панаса сошла отталкивающая суровость. Угловатая жесткость как-то размякла, округлилась в добродушии, и он вновь превратился в хуторского сорванца, каковым Головня увидел его впервые пятнадцать лет назад. Сейчас в нем не было ничего от хлопца из леса: ни хвои в волосах, ни паутины на гладко выглаженной рубашке, да и пахло от него не прелым земляным смрадом, а свежим мылом, как если бы он только что вышел из деревенской жаркой бани.

— Скажу тебе так... Многие и карбованцы брать не станут. За самостийную Украину воюем. Без москалей и коммунистов. Хлеб и запросто так отдадут. И на мягкую постелю уложат, и теплым одеялом укроют... Ты карбованец-то в карман припрячь, что же его всем показывать, — посмотрел он вслед двум молоденьким девушкам, шедшим в сопровождении белокурого высокого старшего лейтенанта.

Троица о чем-то оживленно разговаривала, как это бывает со старыми знакомыми, которым всегда есть о чем переговорить.

— Пули на них нет, — процедил сквозь зубы Панас.

Остановив взор на долговязой гибкой фигуре старшего лейтенанта, Головня пообещал:

— Ничего, на всех отольем.

— И еще... Скоро пшеницу собирать. Сеяли мы не для того, чтобы хлеб большевикам достался. Сбор урожая нужно сорвать! Где можно — заминировать поля, где невозможно помешать — сжечь! Активистов и предателей украинского народа убивать! Пусть боятся. Хлеб наш, и никому мы его не отдадим.

— Сделаем, — пообещал Головня.

— В следующий раз встретимся в другом месте. Не нравится мне оно... У тебя в городе какое-то дело? Ты прямо так и рвешься в Станислав... Если появилась зазноба, брось ее! Она в нашем деле только помеха. Нас ничто не должно связывать.

Не дожидаясь ответа, Панас едва кивнул и потопал дальше. Приостановился, пропустив с почтением двух солдат, волочивших за собой пулемет, и свернул за угол.

На Рыночную площадь въехали две грузовые машины с трепыхающимся брезентовым кузовом. На деревянных, поцарапанных осколками бортах был нарисован большой красный крест. Из кабины поспешно выскочил майор медицинской службы — сухощавый, подвижный, какими бывают только в молодости, — и устремился к зданию. Что-то сказал коренастому крепкому старшине, косолапо заторопившемуся следом, и проворно юркнул в приоткрытую дверь.